

Рец. на кн.: JOSHUA O. RENO. *HOME SIGNS:
AN ETHNOGRAPHY OF LIFE BEYOND AND BESIDE LANGUAGE.*
Chicago, IL: University of Chicago Press, 2024. 264 p.

Илья Владимирович Утехин

Орхусский институт перспективных исследований
1630 Хёр-Гюльбергс Гаде 6В, 8000 Орхус, Дания
Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
ilia@eu.spb.ru

Аннотация: Автоэтнографическая книга американского антрополога Джошуа Рено содержит анализ средств коммуникации, используемых в общении с неречевым аутистом со сниженным интеллектом. Автор выдвигает тезис, что эти средства представляют собой разновидность домашних жестов (*home signs*) — коммуникативной системы, не связанной с естественным языком. В пяти главах автор анализирует основные практические проблемы, с которыми сталкиваются родители неречевого ребенка-аутиста, а также рассматривает функционирование спонтанно сложившихся рутинных способов взаимодействия. Книга написана в перспективе новых критических исследований инвалидности, отвергающих аблеизм как доминирующую установку западной культуры — взгляд на инвалидность глазами «нормального» индивида, никак не затронутого инвалидностью. Альтернативная позиция, предлагаемая автором, основана на представлении о том, что телесная и психическая «норма» — условное понятие, на которое нельзя опираться при осмыслении полноценности человека.

Ключевые слова: инвалидность, аутизм, невербальная коммуникация.

Для цитирования: Утехин И. Рец. на кн.: Joshua O. Reno. *Home Signs: An Ethnography of Life beyond and beside Language.* Chicago, IL: University of Chicago Press, 2024. 264 p. // Антропологический форум. 2025. № 66. С. 257–276.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-66-257-276

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/066/utekhin.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2025, NO. 66

**A Review of JOSHUA O. RENO, *HOME SIGNS:
AN ETHNOGRAPHY OF LIFE BEYOND AND BESIDE LANGUAGE.*
Chicago, IL: University of Chicago Press, 2024, 264 p.**

Ilya Utekhin

Aarhus Institute for Advanced Studies
1630, Høegh-Guldbergs Gade 6B, 8000 Aarhus, Denmark
European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
ilia@eu.spb.ru

Abstract: The book by American anthropologist Joshua O. Reno is based on autoethnography and contains an analysis of the means of communication used in communicating with a non-verbal autistic person with reduced intelligence. The author puts forward the thesis that these means represent a type of home signs — a communicative system not associated with natural language. In five chapters, the author analyses the main practical problems faced by parents of a non-verbal autistic child, and also considers the functioning of spontaneously developed routine methods of interaction. The book is written in the perspective of new critical studies of disability, rejecting “ableism” as the dominant attitude of Western culture, which is a view of disability through the eyes of a “normal” individual, not affected by disability. The alternative backed by the author is based on the idea that the physical and mental “norm” is a conditional concept that cannot be relied on when understanding the fullness of a person as a human being.

Keywords: disability, autism, non-verbal communication.

To cite: Utekhin I., ‘A Review of Joshua O. Reno, *Home Signs: An Ethnography of Life beyond and beside Language.* Chicago, IL: University of Chicago Press, 2024, 264 p.’, *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 66, p. 257–276.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-66-257-276

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/066/utekhin.pdf>

Рец. на кн.: **Joshua O. Reno.** *Home Signs: An Ethnography of Life beyond and beside Language.* Chicago, IL: University of Chicago Press, 2024. 264 p.

Автоэтнографическая книга американского антрополога Джошуа Рено содержит анализ средств коммуникации, используемых в общении с неречевым аутистом со сниженным интеллектом. Автор выдвигает тезис, что эти средства представляют собой разновидность *домашних жестов (home signs)* — коммуникативной системы, не связанной с естественным языком. В пяти главах автор анализирует основные практические проблемы, с которыми сталкиваются родители неречевого ребенка-аутиста, а также рассматривает функционирование спонтанно сложившихся рутинных способов взаимодействия. Книга написана в перспективе новых критических исследований инвалидности, отвергающих аблеизм как доминирующую установку западной культуры — взгляд на инвалидность глазами «нормального» индивида, никак не затронутого инвалидностью. Альтернативная позиция, предлагаемая автором, основана на представлении о том, что телесная и психическая «норма» — условное понятие, на которое нельзя опираться при осмыслении полноценности человека.

Ключевые слова: инвалидность, аутизм, невербальная коммуникация.

Жизнь с аутистом

Когда в исследовании мы описываем что-то, используя готовые категории, то расширяем знания о реальности. Но куда более заметным наш вклад в науку оказывается, если мы предлагаем новые категории, которые и новую реальность описывают, и предлагают новое осмысление знакомых и незнакомых вещей. Американский антрополог Джошуа Рено берет уже существующую научную категорию — *домашние жесты (home signs)* — и переосмысляет ее, утверждая, что это позволяет понять что-то новое о коммуникации и человеке.

Под *home signs* обычно имеется в виду коммуникативная система, которую выстраивают для себя глухие дети слышащих родителей до контакта с другими глухими, носителями жестового языка глухих [Hill et al. 2018]. *Домашние жесты* складываются совместными творческими усилиями ребенка и родителей и включают десятки жестов, которые дети используют более систематически, с элементами значимых противо-

Илья Владимирович Утехин

Орхусский институт
перспективных исследований,
Орхус, Дания /
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
ilia@eu.spb.ru

поставлений внутри системы и с опорой на рудиментарный синтаксис, чем их родители¹.

Джошуа Рено утверждает, что у него и его сына Чарли, неречевого подростка с диагностированным аутизмом и тяжелой формой умственной отсталости², тоже есть система невербальных знаков. Рено относит их к той же категории, что и *домашние жесты* глухих, но интеллектуально сохранных детей. Это допущение с самого начала вызывает некоторые возражения, и автор эти возражения, конечно, отлично понимает. Во-первых, в обычном употреблении *домашние жесты* — это ступенька от самоизобретенной жестовой системы к полноценному словесному языку в жестовой форме, а потенциально и к словесному языку в других формах. С Чарли же это единственный доступный способ коммуникации. Во-вторых, в случае Чарли у домашних жестов есть прагматика, всегда связанная к *здесь и сейчас*, но нет семантики. Их значения индексальны не только в том отношении, в каком обладают индексальностью все высказывания, но и в том, что они в принципе являются индексами, а не символами. Поэтому Рено даже не делает попытки составить словарь, но раскрывает не очень обширное разнообразие их с Чарли коммуникативного инвентаря по мере развертывания текста, вплетая описание коммуникативных ситуаций в рассуждения на разные темы, связанные с инвалидностью и ее культурным контекстом.

Книга состоит из предисловия, введения, пяти глав и заключения, и все они интересны сразу в нескольких отношениях. Во-первых, книга содержит этнографию, довольно мозаичную, потому что записи из полевого дневника не дают связной картины. Их смысл в другом: они либо запускают теоретические рассуждения, либо их иллюстрируют. В сумме набирается некоторая критическая масса наблюдений над коммуникацией с Чарли и разными ситуациями, где и автор, и Чарли участвуют в том или ином качестве. Эта автоэтнография не только про жизнь с подростком — ментальным инвалидом, но и про американское общество. Во-вторых, многие из этих заметок носят исповедальный характер, говорят о мыслях и воспоминаниях, которые вызывают у автора чувство неудобства или стыда. Дневниковые записи и связанные с ними размышления этического характера рисуют нам образ автора как литературного героя, озабоченного рефлексией того рода, который иногда встречается у героев Достоевского. В-третьих, книга содержит

¹ Лингвистами описан имевший место в Никарагуа случай возникновения пиджина и затем креольского языка на основе домашних жестов [Senghas et al. 2004].

² В старых классификациях степеней умственной отсталости, где представлены также *имбецилы*, *дебилы* и пограничный класс, его обозначили бы как *идиота*.

наблюдения и рассуждения коммуникативно-семиотического, антропологического и философско-активистского характера. Это три разных сферы, и качество и масштаб вклада автора в каждую из них различны. Как активист, Рено пытается поставить под вопрос доминирующие представления о коммуникативных способностях ментальных инвалидов и внести вклад в создание нового теоретического языка для разговора об инвалидности. В этой части книга представляет собой скорее публицистический текст, страстную проповедь перспективы, проистекающей из парадигмы новых критических исследований инвалидности.

Прежде чем говорить собственно о книге, следует вкратце описать основные положения этой парадигмы. Дело в том, что пересекающиеся по материалу и интересу к коммуникативному взаимодействию англоязычные работы (см. прежде всего: [Goode 1994; 2007]) написаны в этнометодологическом ключе, а наиболее яркие русскоязычные работы (см.: [Беркович 2009; Клепикова 2018]) содержат сходные в антропологической и коммуникативной части наблюдения и приходят отчасти к сходным выводам, но интерпретируют материал, не прибегая к тем риторическим конструкциям, которые составляют основу интерпретаций Рено.

Главным предметом критики в рамках новых критических исследований инвалидности оказывается культурная установка, которая обозначается как аблеизм (*ableism*) — комплекс представлений, входящих в здравый смысл современного западного человека и предполагающих некий стандарт, или норму, здорового и полноценного человека. По отношению к этому здоровому, красивому, счастливому и адаптированному к обществу человеку, на которого статистическое большинство похоже лишь отчасти, люди, у которых в силу тех или иных обстоятельств имеются телесные и/или умственные особенности, рассматриваются как не совсем полноценные (см., например: [Campbell 2009])¹. Приверженцы альтернативной позиции, стремясь уйти от патологизации инвалидности, предлагают рассматривать всех людей как потенциальных инвалидов. Во-первых, идеальным критериям красоты и здоровья невозможно вполне соответствовать, и даже те счастливчики, у которых, как им кажется, все в порядке, ошибаются; во-вторых, частичное соответствие норме в жизни каждого, кого окружающие не считают инвалидом, явление временное: в старости физические и умственные возможности с высокой степенью вероятности придут в упадок. Таким образом, человек во младенчестве начи-

¹ См. также обзор антропологических исследований инвалидности в [Ginsburg, Rapp 2013].

нает с бессловесности, беспомощности и зависимости от других и оканчивает свою жизнь в подобной же беспомощности и порой бессловесности. Эта очевидная мысль многим приходила в голову в контексте инвалидности и независимо от критики аблеизма, однако в книге Рено читателю о ней постоянно напоминают. Впрочем, то, что мы все к концу жизни впадем в деменцию и перестанем общаться иными способами, — очевидная натяжка, ведь многие из нас до этого просто не доживут.

Аблеизм в этой перспективе похож на расизм. Подобно расизму, он приводит к тому, что человек, вместо того чтобы принять себя таким, каков он есть, интериоризирует стигму и относится к себе как к не вполне полноценному — так, как к нему относится общество. Ему социально и психологически проще стремиться сойти за «нормального», чем поднимать на флаг свою особенность. Традиционно и исследователи, и социальные реформаторы относились к инвалидам как к кому-то, кто нуждается в компенсации «недостающих» функций и возможностей, и считали, что как только технология (например, кохлеарный имплант) позволит такую компенсацию, те смогут полноценно функционировать. Однако такая позиция подвергается критике за то, что закрепляет иерархический взгляд и рассматривает инвалидов в оптике нейротипичных обладателей нормативных тел, в которой инвалид предстает как своеобразный Другой.

Альтернативный подход состоит в том, что инвалидность не надо «преодолевать», потому что преодолевать по сути означало бы разводить самость человека и его дефективное тело. Антиаблеистский дискурс указывает, что непривилегированные тела — женские, небелые и небинарные — в современном мире являются носителями стигмы, т.е. предполагают особую форму инвалидности. Но если некоторые женщины, аборигены, чернокожие и представители квир-сообществ осознали свою инаковость и научились гордиться ею, то в случае с инвалидностью этого пока не произошло. Отмечу, что продуктивно было бы задуматься о причинах — возможно, дело не только в общественном устройстве.

Рено вступает на почву этого активизма, сам будучи мужчиной, белым, нейротипичным и без телесных особенностей. В предисловии он характеризует реализованный в книге жанр письма как присущий *wan chum* (аббревиатура от “white, able-bodied, neurotypical, cisgender, heterosexual, upper-middle-class men”, т.е. *белый нейротипичный мужчина с неинвалидным телом, цисгендерный и гетеросексуальный представитель высшего слоя среднего класса* и заодно ‘слабый кореш’ — союзник, от которого немного толка; таков, по словам Рено, он сам по отношению к Чарли). Это задает тон разговору о том, что следовало бы

перестать считать взгляд на мир из привилегированной позиции само собой разумеющимся и рассматривать его лишь как один из возможных, тогда нам будет проще понимать инвалидность.

Позициональности в книге отведено такое место, что я должен пару слов сказать о моей собственной позиции по отношению к Рено, его герою и проблематике его книги. Я тоже белый мужчина, хотя и не принадлежу к американскому среднему классу. В отличие от автора, я не испытываю чувства вины за то, что мне досталась эта относительно привилегированная позиция, но после книги Рено мне неудобно писать, что мне повезло, что мои дети нейротипичны. Примерно в то время, когда у автора родился Чарли, я впервые столкнулся с миром специализированных учреждений для ментальных инвалидов в России. Это знакомство вылилось в документальный фильм о работающих там волонтерах, в исследование о формах асимметричной коммуникации и в плодотворное сотрудничество с Анной Клепиковой, автором замечательной книги «Наверно я дурак»¹. Эта книга все время присутствовала фоном, пока я читал Рено.

Настойчивое, хотя не совсем всерьез «как мать вам говорю и как женщина» со стороны автора меня немного смущает, потому что я привык думать, что в академической дискуссии ответ на вопрос, имеет ли кто-то право что-то высказывать, не определяется теми качествами автора, которые он не выбирал, — пол, возраст, цвет кожи, этническая принадлежность, социальная группа (если выбирал, то, конечно, другое дело). Заигрывание с позициональностью, изначально призванное эксплицитно обозначить свою точку обзора и не подавлять голос тех, кого ты описываешь, у Рено превращается в самопрезентацию, ведь мир Чарли мы видим лишь в отраженном и фреймированном теориями и активизмом автора свете. Возможности посмотреть на мир глазами Чарли у нас (и у автора) ограничены, ведь интервью у него не возьмешь.

Проблема позиции Рено в том, что он занимает ее заранее, до изложения наблюдений и их анализа. Подобно тому как он расширяет понимание *домашних жестов*, чтобы включить туда явления, ранее в таком качестве не рассматривавшиеся (*домашние жесты* оказываются частью фольклора узкого круга вроде «наших словечек», которые существуют в каждой семье), он последовательно применяет антиаблеистскую логику к Чарли — ментальному инвалиду с уровнем когнитивного функционирования, который не позволяет рассуждать и вообще

¹ Илья Утехин (реж.). Волонтеры (48 мин, 2018). <<https://vimeo.com/766294997>>; см. также: [Утехин 2018a].

отсылать к чему-то отвлеченному от непосредственных бытовых и игровых ситуаций. В сущности, мы не знаем, что Чарли осознает и какие чувства способен испытывать, мы можем лишь проецировать на него наши представления. В этом смысле он не отличается от кота или собаки как домашних любимцев — «членов семьи». Собственно, о попытках установить такие формы взаимодействия, которые позволили бы увидеть Чарли как полноценного человека вопреки всему, чего он не способен делать, и написана эта книга. Хотя сопоставление с питомцами всплывает неоднократно, автор, к сожалению, не пытается его развивать ни в разрезе форм коммуникации, ни в разрезе социального взаимодействия пары «хозяин и его любимец» с окружающими.

Между тем в обсуждении коммуникации невозможно вынести за скобки разницу между положением Стивена Хокинга или Ивана Бакаидова, в когнитивных способностях которых нет сомнений, и человека неречевого в силу когнитивных, а не моторных ограничений. От того, что мы будем игнорировать эту разницу или объявим, что она не образует иерархии, она не исчезнет. Рено же обсуждает те формы несловесной коммуникации, которые у него установились с Чарли, как формы, которые встречаются и у когнитивно-сохранных людей, и у несловесных и неспособных к языку ментальных инвалидов. Мы можем добавить сюда и других, нечеловеческих, собеседников, с которыми на основе кинесики можно устанавливать «межвидовые пиджины» (термин Эдуардо Кона), но не будем забывать о том, что если бы лев умел говорить, мы бы его не поняли. Витгенштейн имел в виду, что наши со львом миры и соответствующие предметы коммуникации пересекаются лишь отчасти.

Рено ссылается на Элизабет Бейтс, пионера прагматики невербальной коммуникации в дословесном периоде развития [Бейтс 1984], но не упоминает, в чем состоит ее вклад, кроме того, что она описывала формы коммуникации, семиотически подобные тому, что Рено обозначает как домашние жесты. Напомню, что Бейтс показала, как у ребенка происходит переход от диадной коммуникации (например, когда мать и младенец смотрят друг на друга и смеются) к таким формам взаимодействия, где фигурирует предмет внимания, разделяемого обоими участниками коммуникации, и как отдельные элементы этой сцены разделяемого внимания могут помечаться однословными высказываниями, поначалу носящими неконвенциональный характер. В примерах и анализе Рено мы видим, как Чарли привлекает внимание жестами, например хлопает по дивану, что работает подобно автомобильному гудку, и требуется еще понять, чего хочет от тебя сигнализирующий — «перестаньте говорить так громко»,

«убавьте звук телевизора» и т.п. (Р. 11). Однако нет попыток показать, как эти жесты работают в качестве намеренной манипуляции вниманием друг друга в рамках сцены разделяемого внимания. Нет и наблюдений над тем, как складывались эти ритуализации, ставшие элементами инвентаря их домашних жестов. Рено лишь ограничивается замечанием, что эти формы — инновации, демонстрирующие креативность Чарли.

Во введении Рено упоминает, как однажды на вечеринке обсуждал с коллегами свои жизненные планы и объяснял, почему он с женой не покупает дом: обзавестись недвижимостью означало бы привязку к месту, но не факт, что оно в итоге окажется лучшим для Чарли. На что собеседник сочувственно замечает, что не стоит подстраивать всю свою жизнь под Чарли, ведь Чарли может и не протянуть долго. Это замечание глубоко задело автора, который удалился с вечеринки, размышляя, чем же он мог дать основания подумать, что рассматривает Чарли как бремя, а не как что-то другое — как любимого ребенка, например (Р. XVII). Но в том, в чем Рено видит расчеловечивающую риторику, можно увидеть вежливость и форму заботы: собеседник напомнил, что жизнь дана тебе ради твоей собственной самореализации, а посвящать себя в такой степени ребенку-инвалиду — не совсем обычное поле для самореализации. Но Рено уже выбрал себя, и эта верность своей любви к ребенку-инвалиду (а совсем не «несение креста» заботы о нем) выступает абсолютной ценностью, она сродни религиозному подвижничеству и оказывается поэтому не всегда понятна чужим людям, которые даже на месте автора понимали бы эту ситуацию по-другому.

При этом автор признается (Р. XI), что его периодически посещают мысли, за которые ему стыдно, и что его жизнь включает в себя борьбу с обстоятельствами, провоцирующими такие мысли (приходится все время убирать за Чарли и в целом зависеть от него), с собственными реакциями (шлепнул Чарли по заднице, р. 37), с самими мыслями (вроде «за что мне это? чем я это заслужил?»), с фрустрацией и жалостью к себе, с необходимостью принять свою жизнь как наполненную смыслом. Каким смыслом? В частности, смыслом стало написание этой книги, борьба с аблеизмом, глоттоцентризмом, аудизмом и дистантизмом (привилегированностью звуковых и дистантных форм коммуникации) и некоторыми другими формами угнетения.

На момент завершения книги Чарли 17 лет, он весит больше ста килограммов, с ним непросто обращаться чисто физически (так, ногти ему стригут во время стоматологического осмотра под общим наркозом, р. 141), но, как утверждает Рено, инвалид-

ность автоматически не значит страдание и неполноценную человечность. Чарли бывает весел и, по-видимому, счастлив. Отсутствие у Чарли языковой способности еще не основание думать, что он менее причастен к культуре и обществу. Использование же символов, которое принято считать специфической чертой человека, следует отменить как определяющий человека признак, и потому что с Чарли возможно коммуницировать без символов, при помощи домашних жестов, и потому что некоторые животные, вроде легендарных бонобо Канзи, шимпанзе Уошо или гориллы Коко, способны использовать символы. Язык и культура находятся в том же ряду характеристик человека, что и самосознание, рассудок, свобода воли, но это лишь артефакт привилегированной перспективы тех, кто всем этим обладает. Именно этой перспективе, которая выталкивает Чарли и ему подобных из круга людей, Рено и бросает вызов.

Каждая из пяти глав книги посвящена одному из ключевых вопросов, касающихся опыта родителя ребенка — ментального инвалида. В первой главе обсуждается агрессия. Случалось, что Чарли, громко топая, с воем устремлялся к автору, хватал его за руки и, глядя в глаза, больно, до синяков щипал запястья, а если тот вырывался, преследовал его по всему дому. Так они и бегали кругами. Были случаи подобной агрессии и по отношению к нанятым для ухода за Чарли помощникам. Жена Рено обнаружила, что если, вместо того чтобы убежать и увещевать, истолковать это поведение как сообщение и начать щипать Чарли в ответ, он тут же успокоится. То есть агрессивные по форме действия были просьбой помассировать руки, пальцы и другие места. Так что ныне Рено полагает, что это не агрессия, а способ коммуникации. Теперь они с женой систематически делают Чарли массаж, а агрессия хотя и не исчезла совсем, но существенно уменьшилась (Р. 27).

Отталкиваясь от этой истории, автор рассуждает и про исследования невербальной коммуникации, и про то, каким образом угроза и агрессия могут работать как знаки и как по-разному такие знаки прочитываются людьми со стороны. Вопрос касается проблемных ситуаций в публичном пространстве. Они подобны тому, как собака в публичном пространстве оказывается как бы отдельной и относительно автономной частью личности хозяина. Хозяин несет ответственность за ее поведение, прежде всего за проявления того, что окружающими читается как агрессия [Утехин 2015]. Ты сам можешь быть сколько угодно уверен, что твоя собака, которая напугала ребенка, сделала это потому, что сама испугалась, а вообще она хотела только поиграть. Но при чем здесь окружающие? В случае Чарли имеется крупной комплекции человек, который в публичном пространстве ведет себя непредсказуемо и неконтролируемо,

при этом слов не понимает и не произносит: какое это имеет отношение к правам инвалидов и их родственников на то, чтобы быть особыми? Заметим, что в Америке примерно в половине штатов запрещено содержать приматов в качестве питомцев, но в некоторых штатах ограничения отсутствуют, и люди состоятельные и эксцентричные могут себе позволить завести даже шимпанзе. Поп-культурная популярность шимпанзе Уошо и гориллы Коко способствовали этому экзотическому увлечению, но в ряде случаев оно заканчивалось плохо для всех участников именно потому, что человек не считывал ситуацию глазами питомца, не понимал, чем вызвана агрессия, и не мог ее остановить — люди получали тяжелые травмы, а животное либо погибало, либо отправлялось в приют.

Название второй главы может быть прочитано как «щекотливый предмет» или «щекотливый субъект», поскольку Чарли любит, когда его щекочут, а единственная словоподобная вокализация, которой он пользуется, производна от *tickle* 'щекотать'. Рено рассматривает щекотку (вызов, брошенный дистантизму) как форму импровизированного коммуникативного контакта, который асимметричен и включает в себе отношения власти. Вообще властные иерархии могут быть встроены в ситуацию контакта, и это справедливо не только для колониализма, но и для отношений хозяина и питомца, напоминает автор со ссылкой на Донну Харауэй (Р. 58, [Haraway 2008]). Хотя некоторые исследователи соотносят коммуникативные практики в отношениях с животными и контакты с людьми с ментальной инвалидностью, это не означает эквивалентности животных и инвалидов в моральном плане. На страницах 65–66 сам автор вспоминает, что в жестовой продукции шимпанзе Уошо просьбы пощекотать еще и еще занимали большое место. Вообще щекотка — интересный предмет: сам себя не пощекочешь, для этого нужен другой человек. Кратко упомянув немногочисленные примеры из разных обществ, Рено рассуждает о том, что щекотка работает как одна из разновидностей домашних жестов. В группе участников устанавливаются неписанные правила и предпочтения (кто-то не любит щекотки, кому-то не щекотно, а кому-то наоборот). Щекотливое взаимодействие имеет секвенциальную структуру (этот тезис не получает развития, но Рено достаточно подробно описывает, как Чарли инициирует сеанс щекотки, как он сопровождает это вокализациями, демонстрируя возбужденное предвкушение, р. 63–64).

Вслед за психологами Рено различает легкое ласковое пощекотывание (и это человек может сам себе устроить, например перышком) и интенсивное щекотание как часть игрового взаимодействия с другим. Он указывает несколько аспектов

осмысления щекотки (Р. 68): это противопоставление себя и другого (щекочущего); это противопоставление сознания, наделенного намерениями, и тела с его аффективными реакциями — так, Чарли хочет, чтобы его щекотали, но и сопротивляется щекотке, чтобы не рассмеяться; это «я» с его интенциями в качестве субъекта противопоставлено телу как объекту щекотания для другого (тут щекочущий помогает Чарли почувствовать эту разницу между тем, чего он желает, и тем, чему его тело сопротивляется); наконец, это возможность почувствовать диалогическую природу взаимодействия, ведь щекочущего можно пощекотать в ответ. Согласие на щекотку заключает в себе разрешение вторгнуться в интимное пространство с тем, чтобы это вторжение продемонстрировало, что его невозможно вынести (Р. 69).

Ласковому пощекотыванию во второй главе посвящен отдельный раздел. Оно распространено между близкими друзьями или членами семьи как форма неэротического прикосновения, не являющегося ни объятиями, ни массажем, ни интенсивным чесанием, хотя на чесание оно и похоже. Помощница семьи, практикующая такое пощекотывание с Чарли, в интервью Рено признается, что у них с партнером тоже есть такая форма не зависящей от слов заботы друг о друге и проявления чувств (Р. 73). Рено относит его к более широкому разряду тактильных форм социального взаимодействия, совокупность которых Марджори Гудвин обозначила как *haptic sociality* [Goodwin 2017]. В учреждениях дневного пребывания, где работают с инвалидами, телесный контакт с подопечными ограничен и преимущественно сводится к контролю. Например, при обучении какому-то действию в руку подопечного вкладывается предмет, а действия моделируются руками педагога, который, взяв руки подопечного в свои, производит это действие. Рено неоднозначно относится к этой практике как к принуждению, однако отмечает, что, скажем, само его присутствие в ванной комнате во время гигиенических процедур тоже действует на Чарли как принуждение.

Третья глава «Технически говоря» включает обсуждение приспособлений для альтернативной и расширенной коммуникации и наблюдения за формами коммуникации, задействующими предметы. Глава начинается с того, что при встрече Чарли с новыми людьми автору приходится оговаривать, что все эти штуки — специальные планшеты-говорилки, папки с символами PECS (*picture exchange communication system*) — для Чарли не годятся. Жесты американского жестового языка глухих не годятся тоже. А вот планшет, который обычно поглощает его внимание, Чарли иногда отбрасывает как тарелку фрисби — и это их домашний жест, означающий, что Чарли хочет общаться.

Впрочем, одно наблюдение Рено должно свидетельствовать, что в исключительных случаях Чарли способен выразить себя творчески: он перематывает видео на планшете и проигрывает песенку, которая, как это видит Рено, передает чувства Чарли (Р. 96–97).

Рено рассматривает карточки PECS как лингвистическое оборудование для домашних жестов, причем таких, которые, в отличие от щипания и щекотки, не связаны с непосредственным телесным контактом (Р. 93–102) и ассоциируются с обменной моделью социального взаимодействия: ты мне — символ, я тебе — яблоко. Рено ее критикует. Согласно бихевиористской логике, обучение этой системе выглядит как техника. На первом этапе участвуют преподаватель, символ (карточка, которая помещается в папку) и предмет — игрушка или что-то вкусное. Ученик — сначала при помощи помощника, вкладывающего руку ученика в собственную руку — возьмет символ и передаст его учителю, а учитель назовет предмет и даст его ученику. Таких символов, которые ассоциируются с разными объектами, накапливается целая папка, и ожидается, что они будут складываться в синтаксически организованные последовательности. Сама ситуация коммуникации, основанной на выборе символов из множества доступных, не привлекала Чарли, хотя символы он различал прекрасно. Он саботировал попытки обучения, просто тыкая в символы в папке или в иконки на планшете, при этом глядя в сторону. Рено полагает, что для человеческого, нетехнического общения Чарли было достаточно домашних жестов, так что он не испытывал нужды в системе символов. При этом ткнуть пальцем в нужную иконку, чтобы запустить музыку или видео, и перемотать их на нужное место для него не составляло проблемы, т.е. логика вендингового автомата, не включающая коммуникативного партнера, для него разумелась сама собой.

Логика «нажми кнопку — получишь банан» как главный метод обучения приматов опосредованной кнопками коммуникации неоднократно подвергалась критике, но бонобо Канзи научился ассоциировать символы-лексиграммы с их значениями, подглядывая через плечо, т.е. обучался не технически и бихевиористски, а социально. В целом возможности нечеловеческих приматов, обученных коммуникативным системам, как бы это ни было досадно, превышают то, что доступно Чарли (Р. 106). Обсуждая эти эксперименты, Рено упрекает скептиков в антропо- и глоттоцентризме, ведь кроме символьной коммуникации экспериментаторы и обезьяны тоже вырабатывали домашние жесты. Жаль, что эта линия рассуждения основывается лишь на анекдотических свидетельствах, заимствованных из публикаций Сэвидж-Рамбоу [Savage-Rumbaugh 1986].

Даже если считать результаты, полученные в области обучения обезьян языку, перформансами и не признавать использование ими символов, даже если отвергать реальность достижений аутистов в разоблаченной как (само)обман фасилитированной коммуникации¹ — это не повод заикливаться на вопросе «Кто же на самом деле является автором сообщения?» В ситуациях домашних жестов агентность отправителя сообщения ограничена и дополнена повышенной ролью коммуникативного партнера. Вслед за классиком исследования коммуникативного взаимодействия Чарльзом Гудвином Рено говорит о распределенных формах агентности, опять же вынося за скобки разницу в содержании сообщений когнитивно-компетентных коммуникаторов и тех, кто может выражать только эмоции. Его аргументы вполне здравы: коммуникативные ограничения младенцев и маленьких детей не мешают им вносить вклад в полноценное коммуникативное взаимодействие. Если мы отбросим необходимость симуляции представлений партнера о нашем текущем умственном состоянии как слишком сильное требование для определения «полноценной» коммуникации², то Рено прав: коммуникация с Чарли или с младенцами аналогична некоторым формам коммуникации между обычными людьми. Кажется, что для этого необязательно вслед за Рено отвергать доминирующую аблеистскую идеологию, согласно которой человеку естественно пользоваться языком в форме говорения³. Все мы друг для друга — коммуникативные протезы (Р. 114).

В этой перспективе в четвертой главе «Значимые другие» автору удастся поставить в один ряд Чарли, парализованного отца упомянутого выше Чарльза Гудвина [Goodwin 2004] и гориллу Коко. Во всех этих случаях в коммуникации со значимыми другими существовала некая система домашних жестов, независимо от того, были там символы и язык или нет. Важно, однако, что Рено не поддерживает заявления о лингвистических достижениях гориллы Коко⁴, как не верит он и в успехи

¹ *Facilitated communication* — псевдонаучная методика, разработанная для того, чтобы помочь невербальным людям с аутизмом общаться через помощника, который физически направляет их руку во время набора текста или указания на буквы. Исследования показывают, что сообщения на самом деле генерируются помощником, который фактически вкладывает слова в уста подопечных [Spitz 1997].

² Это связано со свойством «заточенности сообщения под получателя» (*recipient design*). См. о параметрах «человеческого коммуникативного движка» в [Levinson 2006].

³ Если же на место младенца в качестве партнера мы поставим кота или черепаху, вопрос полноценности заиграет новыми красками.

⁴ В свое время Франсина («Пенни») Паттерсон защитила в Стэнфорде диссертацию об обучении гориллы Коко американскому жестовому языку глухих, а затем переключилась с исследований на борьбу за права горилл, работая над образом Коко как говорящей, мыслящей и озабоченной мировыми проблемами гориллы. См. об обучении высших обезьян человеческому языку: [Утехин 2019];

фасилитированной коммуникации. Его позиция исходит из отказа признать язык прототипической и центральной формой коммуникации. Действительно, когда мы обращаемся к неязыковой коммуникации, то ее примером может быть и цирковое представление, где публикой манипулируют, демонстрируя ей «человеческие» способности хоть обезьянки, хоть попугая. Эта коммуникация предполагает не просто знакомство, а близкие отношения между животным и человеком — о чем, собственно, и говорили некоторые критики¹, утверждая, что в условиях строго контролируемого эксперимента воспроизвести коммуникативные и когнитивные достижения животного не получится. Например, чтобы различать формы и регистры неслесовесного мычания Чарли, нужно разделять контекст и участвовать в совместном действии, и в конечном счете нельзя сказать, что более сильный и «языковой» участник такой асимметричной коммуникации истолковал действие партнера «неправильно» (что отличает эту ситуацию от словесного мычания, см.: [Утехин 2014]).

Некоторые из домашних жестов представляют собой игру. Так, автор описывает, как, вместо того чтобы, как обычно, прервать свои занятия в ответ на шлепок ладонью по стулу и подойти к Чарли, он сам хлопает, имитируя действие Чарли, Чарли отвечает тем же, и это превращается в цепочку аналогичных действий, доставляющую радость обоим участникам (Р. 120–121). Отмечу, что «отзеркаливание» действия — это хороший способ установить изначальный контакт с неречевыми подопечными: этому учат волонтеров коррекционные педагоги.

Пятая глава озаглавлена “*Cacas Ergo Sum*” (буквально «ты какаешь — значит, я существую»): эта довольно остроумная и отвечающая смыслу книги формула обращена к тому, о ком этот «я» заботится². В главе обсуждается гигиена в ее культурных и этических аспектах. Этическое измерение приучения к горшку заключается, в частности, в том, что, умея сдерживаться и пользоваться туалетом, человек избавляет других от необходимости убирать за ним, т.е. обращение с телесными жидкостями и отходами оказывается способом заботы об окружающих. Напротив, автору приходится постоянно убирать за Чарли, и он сердится на себя за то, что сердится на Чарли, когда Чарли доставляет ему больше грязной работы. При этом Рено чувству-

о Пенни Паттерсон и горилле Коко см.: [Утехин 2018б: 319–339].

¹ См., в частности: [Sebeok 1980].

² Заигрывая с афоризмом Декарта и отвергая картезианский дуализм тела и души, автор, впрочем, не очень разобрался в спряжении латинского глагола. На Р. 170 он переводит “*Cacas ergo sum*” как “*I shit, therefore I am*” и дальше рассуждает о том, что испражнение Чарли — это способ постулировать их с Чарли общность, их «мы», особую форму взаимной симпатии.

ет, что Чарли за ним наблюдает, и старается не выдать свою досаду невербальными сигналами (Р. 144). Интересно было бы задуматься, почему он не считает возможным показывать то, что переживает? Является ли это формой заботы о Чарли? Почему забота о себе является чем-то стыдным? В этом отношении Рено похож на волонтеров, описанных Клепиковой [Клепикова 2018].

Гигиенические процедуры обязательны, потому что их требует общество: если Чарли не почистить зубы и не освежить подмышки, коррекционный педагог в учреждении дневного пребывания для инвалидов обратит внимание на запах и Рено станет неудобно. Чарли к этому приучен, поэтому начала действия, когда автор берет зубную щетку или дезодорант, оказывается достаточно, чтобы Чарли поднял руки или оскалил зубы. Такие движения намерения, начала действий в рутинизированных ситуациях совместных процедур, как известно из методики работы со слепоглухими, являются источником первых собственно коммуникативных средств. Рено тоже отмечает, что в сфере гигиены используется очень много домашних жестов. Более того, он признается, что основной причиной для выработки системы сколько-то предсказуемой коммуникации была необходимость приучения Чарли к горшку и обслуживания его гигиенических нужд таким образом, чтобы это не доставляло дополнительных хлопот и не ставило родителей в социально неудобную ситуацию (Р. 147).

Использование туалета, а не памперсов, притом с некоторой степенью самостоятельности, считается важным для инвалида достижением, что справедливо: автор задумывается о том, что, когда родителей не станет, натягивать штаны пожилому Чарли будут люди, которые не испытывают к нему родственных чувств. Чтобы иначе взглянуть на перспективу зависимости от заботы, Рено опирается на концепцию Леннарда Дэвиса [Davis 2002]. Согласно Дэвису, независимость и самостоятельность не что иное, как мания величия, а на деле все мы изначально и фундаментально зависимы от заботы других людей. Тогда необходимость полагаться на помощь других с использованием туалета для Чарли никакая не трагедия, а еще одна возможность устанавливать связи с людьми при помощи домашних жестов. Очень профессиональный оптимистический рефрейминг.

Чарли не один в этой лютой юдоли: как люди, все мы заброшены в эти тела с мочевым пузырем и сфинктером, в это требовательное общество, и потому принуждены идти по жизни от туалета к туалету (Р. 162). Все это лишь остановки на человеческом пути от одних домашних жестов к другим, от бессловесного детства к беспомощной безъязыкой старости. Хотя обыч-

но социальное функционирование предполагает, что к нему готовятся за сценой и самостоятельно, у Чарли гигиенически-эскреторная сторона в принципе завязана на социальное взаимодействие, один он не может справиться. Рено и его жена преувеличенно хвалят Чарли, стараются дать ему понять, как они рады тому, что он справляется с использованием горшка. Тут же Рено замечает, что боится, что тираническое навязывание нормы хотя бы и частичной самостоятельности в обращении с туалетом может вызывать у Чарли чувство стыда и огорчать его (Р. 156–157). Хорошо еще, что, в отличие от приученного к лотку кота, который может намеренно нагадить в тапки, за Чарли такого не водится.

Сопоставление с собакой или котом могло бы быть продуктивным для книги; Рено и сам к нему прибегает (Р. 158–159), но, к сожалению, эта линия рассуждения повисает в воздухе. Вместо того чтобы систематически сопоставить способы коммуникации с домашними животными и свои домашние жесты, Рено обращается к менее трудоемкому, но более яркому примеру, описывая, как обезьяны в неволе кидают экскрементами в посетителей зоопарка, что он интерпретирует как сообщение, адресованное представителям другого вида.

Этические вопросы гигиены в случае с Чарли связаны еще с тем, что гигиенический уход имеет отношение к половым органам, а Чарли не способен защитить себя от абьюза, так как неречевые инвалиды не могут о нем рассказать. В связи с этим Рено упоминает о своем бойскаутском опыте и его переосмыслении: когда-то он подвергся сексуальному насилию — другой мальчик давал ему потрогать свои гениталии (антрополог мог бы заметить, что это довольно распространенная ситуация, не всегда воспринимаемая как насилие, а в кросс-культурной перспективе еще и потенциально институционализированная). Автор может осмыслить опыт насилия и рассказать о нем, но может ли Чарли? В этом контексте Рено в гипотетическом ключе рассуждает и о возможностях реализации половых потребностей мужского организма (Р. 153), из чего следует, что с мастурбацией у Чарли он пока не сталкивался¹.

Подводя итог, следует отметить, что книга получилась интересная, богатая в отношении и материала, и теоретического контекста. Перед нами не только значимый вклад в антропологические исследования инвалидности, но и яркий человеческий документ. Книга написана тонким и наблюдательным исследователем, не лишена интеллектуальных провокаций и не оставит читателя равнодушным, даже если он не готов разде-

¹ Ср. обсуждение сексуальности инвалидов в [Клепикова 2013; 2018].

лить активистский пафос. Автор периодически интригует читателя саморазоблачительными деталями. Скажем, когда он описывает, какими способами Чарли подзывает его, в дневниковой заметке указано, что ему очень не хочется вылезать из теплой ванны, которая помогает при анальных трещинах (Р. 35). Я бы, честно говоря, предпочел об этом не знать, тем более что эти подробности что-то добавляют лишь к портрету автора, но никак не проясняют предмет исследования. Впрочем, подобные детали придают повествованию своеобразную литературность. Главное же предложение автора в области исследования невербальной коммуникации — рассматривать коммуникативные системы, складывающиеся в семье с детьми с тяжелой умственной отсталостью, как разновидность *домашних жестов* и как частный случай более широкого круга неязыковых форм коммуникации — заслуживает внимания и дальнейшего исследования.

Читателю-иностранцу очевидно, что очень многое зависит от общества, в рамках которого мы рассматриваем все эти вопросы. Например, в СССР содержать такого ребенка-подростка-взрослого дома едва ли было бы возможно — люди были все время на работе, не обладали ресурсами, для того чтобы нанять помощников, и не имели таких жилищ, где можно было бы создать безопасную и благоприятную среду. Что еще раз подчеркивает важность кросс-культурных исследований, которые были бы невозможны без работ, подобных этой книге.

Библиография

- Бейтс Э. Интенции, конвенции и символы // Шахнарович А.М. (ред.). Психолингвистика: сб. статей. М.: Прогресс, 1984. С. 50–102.
- Беркович М. Нестрашный мир. СПб.: Сеанс, 2009. 288 с.
- Клепикова А. Интимная жизнь людей с инвалидностью: о преодолении моделей. Рец. на кн.: McRuer R., Mollow A. (eds.). *Sex and Disability*. Durham, NC: Duke University Press, 2012. 432 p. // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 2. С. 284–288.
- Клепикова А. Наверно я дурак: антропологический роман. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 432 с.
- Утехин И.В. «Мычание» и жесты как ресурсы для совместного построения смысла в диалоге // Федорова О.В., Кибрик А.А. (ред.). Мульти-модальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования: сб. статей. М.: Буки Веди, 2014. С. 115–129.
- Утехин И.В. На коротком поводке: домашние хозяева // Новое литературное обозрение. 2015. № 132. С. 32–38.
- Утехин И. Новые нормальные: к анализу асимметричной коммуникации // Клепикова А. Наверно я дурак: антропологический роман. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2018а. С. 390–428.

- Утехин И.В. Что такое визуальная антропология: путеводитель по классике этнографического кино. СПб.: Порядок слов, 2018б. 352 с.
- Утехин И.В. Человек и обезьяна: к контекстуализации ранних экспериментов в области Ape Language Research // Социология власти. 2019. № 31 (3). С. 75–99.
- Campbell F.K. Contours of Ableism: The Production of Disability & Abledness. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2009. XIV+231 p. doi: 10.1057/9780230245181.
- Davis L.J. Bending Over Backwards: Disability, Dismodernism, and Other Difficult Positions. New York: New York University Press, 2002. 200 p.
- Ginsburg F., Rapp R. Disability Worlds // Annual Review of Anthropology. 2013. Vol. 42. P. 53–68. doi: 10.1146/annurev-anthro-092412-155502.
- Goode D.A. World without Words: The Social Construction of Children Born Deaf and Blind. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1994. 336 p.
- Goode D.A. Playing with My Dog Katie: An Ethnomethodological Study of Dog-Human Interaction. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 2007. 228 p.
- Goodwin C. A Competent Speaker Who Can't Speak: The Social Life of Aphasia // Journal of Linguistic Anthropology. 2004. Vol. 14. No. 2. P. 151–170.
- Goodwin M.H. Haptic Sociality: The Embodied Interactive Construction of Intimacy through Touch // Meyer C., Streeck J., Scott Jordan J. (eds). Intercorporeality: Emerging Socialities in Interaction. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 73–102.
- Haraway D.J. When Species Meet. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2008. 423 p.
- Hill J.C., Lillo-Martin D.C., Wood S.K. Homesign Systems // Hill J.C., Lillo-Martin D.C., Wood S.K. (eds). Sign Languages: Structures and Contexts. London; New York: Routledge, 2018. P. 117–133.
- Levinson S.C. On the Human Interaction Engine // Enfield N.J., Levinson S.C. (eds). Roots of Human Sociality: Culture, Cognition and Interaction. Oxford: Berg, 2006. P. 39–69.
- Savage-Rumbaugh E.S. Ape Language: From Conditioned Response to Symbol. New York: Columbia University Press, 1986. 433 p.
- Sebeok T.A. Looking in the Destination for What Should Have Been Sought in the Source // Sebeok T.A., Umiker-Sebeok J. (eds). Speaking of Apes. A Critical Anthology of Two-Way Communication with Man. New York; London: Plenum Press, 1980. P. 407–427.
- Senghas A., Kita S., Özyürek A. Children Creating Core Properties of Language: Evidence from an Emerging Sign Language in Nicaragua // Science. 2004. Vol. 305. No. 5691. P. 1779–1782. doi: 10.1126/science.1100199.
- Spitz H.H. Nonconscious Movements: From Mystical Messages to Facilitated Communication. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1997. 202 p.

Илья Утехин

A Review of Joshua O. Reno, *Home Signs: An Ethnography of Life beyond and beside Language*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2024, 264 p.

Ilya Utekhin

Aarhus Institute for Advanced Studies
1630, Høegh-Guldborgs Gade 6B, 8000 Aarhus, Danmark
European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
ilia@eu.spb.ru

The book by American anthropologist Joshua O. Reno is based on autoethnography and contains an analysis of the means of communication used in communicating with a non-verbal autistic person with reduced intelligence. The author puts forward the thesis that these means represent a type of *home signs* — a communicative system not associated with natural language. In five chapters, the author analyzes the main practical problems faced by parents of a non-verbal autistic child, and also considers the functioning of spontaneously developed routine methods of interaction. The book is written in the perspective of new critical studies of disability, rejecting “ableism” as the dominant attitude of Western culture, which is a view of disability through the eyes of a “normal” individual, not affected by disability. The alternative backed by the author is based on the idea that the physical and mental “norm” is a conditional concept that cannot be relied on when understanding the fullness of a person as a human being.

Keywords: disability, autism, non-verbal communication.

References

- Bates E., *The Emergence of Symbols: Cognition and Communication in Infancy*. New York: Academic Press, 1979, XVI+387 p.
- Berkovich M., *Nestrashnyy mir* [The Unscary World]. St Petersburg: Seans, 2009, 288 p. (In Russian).
- Campbell F. K., *Contours of Ableism: The Production of Disability & Abledness*. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2009, XIV+231 p. doi: 10.1057/9780230245181.
- Davis L. J., *Bending Over Backwards: Disability, Dismodernism, and Other Difficult Positions*. New York: New York University Press, 2002, 200 p.
- Ginsburg F., Rapp R., ‘Disability Worlds’, *Annual Review of Anthropology*, 2013, vol. 42, p. 53–68. doi: 10.1146/annurev-anthro-092412-155502.
- Goode D. A., *World without Words: The Social Construction of Children Born Deaf and Blind*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1994, 336 p.

- Goode D. A., *Playing with My Dog Katie: An Ethnomethodological Study of Dog-Human Interaction*. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 2007, 228 p.
- Goodwin C., 'A Competent Speaker Who Can't Speak: The Social Life of Aphasia', *Journal of Linguistic Anthropology*, 2004, vol. 14, no. 2, p. 151–170.
- Goodwin M. H., 'Haptic Sociality: The Embodied Interactive Construction of Intimacy through Touch', Meyer C., Streeck J., Scott Jordan J. (eds), *Intercorporeality: Emerging Socialities in Interaction*. Oxford: Oxford University Press, 2017, p. 73–102.
- Haraway D. J., *When Species Meet*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2008, 423 p.
- Hill J. C., Lillo-Martin D. C., Wood S. K., 'Homesign Systems', Hill J. C., Lillo-Martin D. C., Wood S. K. (eds), *Sign Languages: Structures and Contexts*. London; New York: Routledge, 2018, p. 117–133.
- Klepikova A., 'Intimnaya zhizn lyudey s invalidnostyu: o preodolenii modeley. [Intimate Life of People with Disabilities: On Overcoming Models]: A Review of McRuer R., Mollow A. (eds), *Sex and Disability*. Durham, NC: Duke University Press, 2012, 432 p.', *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, 2013, vol. 11, no. 2, p. 284–288. (In Russian).
- Klepikova A., *Naverno ya durak: antropologicheskii roman* [I Must Be a Fool. An Anthropological Novel]. St Petersburg: EUSP Press, 2018, 432 p. (In Russian).
- Levinson S. C., 'On the Human Interaction Engine', Enfield N. J., Levinson S. C. (eds), *Roots of Human Sociality: Culture, Cognition and Interaction*. Oxford: Berg, 2006, p. 39–69.
- Savage-Rumbaugh E. S., *Ape Language: From Conditioned Response to Symbol*. New York: Columbia University Press, 1986, 433 p.
- Sebeok T. A., 'Looking in the Destination for What Should Have Been Sought in the Source', Sebeok T. A., Umiker-Sebeok J. (eds), *Speaking of Apes. A Critical Anthology of Two-Way Communication with Man*. New York; London: Plenum Press, 1980, p. 407–427.
- Senghas A., Kita S., Özyürek A., 'Children Creating Core Properties of Language: Evidence from an Emerging Sign Language in Nicaragua', *Science*, 2004, vol. 305, no. 5691, p. 1779–1782. doi: 10.1126/science.1100199.
- Spitz H. H., *Nonconscious Movements: From Mystical Messages to Facilitated Communication*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1997, 202 p.
- Utekhin I. V., "'Mychanie" i zhesty kak resursy dlya sovmestnogo postroeniya smysla v dialoge' ["Mooing" and Gestures as Resources for Joint Meaning Construction in Dialogue], Fedorova O. V., Kibrik A. A. (eds), *Multimodalnaya kommunikatsiya: teoreticheskie i empiricheskie issledovaniya* [Multimodal Communication: Theoretical and Empirical Research]. Moscow: Buki Vedi, 2014, p. 115–129. (In Russian).
- Utekhin I. V., 'Na korotkom povodke: domashnie khozyaeva' [On a Short Leash: Domestic Masters], *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2015, no. 132, p. 32–38. (In Russian).
- Utekhin I. V., *Chto takoe vizualnaya antropologiya. Putevoditel po klassike etnograficheskogo kino* [What is Visual Anthropology? A Guide to

Classic Film Ethnographies]. St Petersburg: Poryadok slov, 2018, 346 p. (In Russian).

Utekhin I., 'Novye normalnye: k analizu asimmetrichnoy kommunikatsii' [The New Normals: Towards an Analysis of Asymmetric Communication], Klepikova A., *Navermo ya durak: antropologicheskii roman* [I Must Be a Fool. An Anthropological Novel]. St Petersburg: EUSP Press, 2018, p. 390–428. (In Russian).

Utekhin I. V., 'Chelovek i obezyana: k kontekstualizatsii rannikh eksperimentov v oblasti Ape Language Research' [The Human and the Ape: On the Contextualization of Early Experiments in Ape Language Research], *Sotsiologiya vlasti*, 2019, no. 31(3), p. 75–99. (In Russian).